

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ДА Р С Е В Е Р А

Старинное изречение гласит: хочешь узнать поэта — побывай на его родине. И не только побывай, но и посмотри на все его глазами, глазами художника. И тогда увидишь, что тот же ленивый неприветливый Север — край удивительный и по неповторимости жизненного уклада людей, и по красоте природы, и по ее изобилию. Там если зоря — то на полнеба, если дождь — то на неделю, если лес — то до края земли. Крикнешь слово с речной кручи — покажется эхо по перелескам и стаснет далеко в заречной стороне. Простор! Зацветут льны — и сине-сине станет за околицей, словно выцветшее северное небо отдало земле густую майскую голубизну.

Не потому ли народная кисть взяла у матери-природы краски яркие, тона контрастные, мотивы замысловатые?!

Полотенца в деревенских избах расшиты такими петухами, что кажется, вот-вот загорланят певуны с деревянных полочек и зеркал, где истари для красоты висят льняные рушники — чудо женского рукоделия.

В тех же деревенских пятистенках под сухую россыпь коклюшек можно часами разглядывать кружевные подзоры, дорожки, накидушки, уголки, узнавая в них поэзию Севера и заветную мечту кружевницы. Любят на Севере и складну? бывальщину и меткое, в рифму слово. Песня, сказка, байка, частушка — в труде ли, на отдыхе ли — звучат между делом, сопутствуя человеку от колыбели до глубокой старости.

До сих пор в дальних северных районах во время сенокоса снаряжают вместе с колхозными бригадами престарелых сказочников и песельников, определяя их, по совместительству, на должность кашеваров.

Где-нибудь на плотях, тянущихся добрый километр, или возле полевого стана сидят у огонька люди. И обяза-

тельно находится среди них бойкий на слово, или, как говорят в вологодском крае, тороватый человек.

«Пойдешь по грибы, бывалоча, утрешней ранью», — начинает он окающей скороговорочкой, и не знаешь, чему больше удивляться — неиссякаемой ли выдумке рассказчика или образности и точности его речи. А как запоют девчата, возвращаясь на рассвете из какого-нибудь Ондронина, куда они ходили на гулянье за десяток верст! Босые ноги по щиколотку в росе. Туфли, чтоб зря не стаптывать, в руках. Молодые голоса звучат задорно, и песня, как дыхание, проста и необходима и предрасветной земле и самому человеку.

Теперь в сельских клубах, на народных гуляньях, на свадьбах редко-редко услышишь протяжную «старинушку». Разве что старики вспомнят молодость да запоют. А запоют — загрустят. Потому что много обид и горечи пришлось хватить на веку, и песня, как ничто другое, воскресит забытое, поросшее быльем.

Вспомнят старинные частушки, которые теперь уже нигде не поют, которые можно спеть под хитрый перебор гармошки, под балалайку, а то и под «губную музыку» — запросто так.

...Ехали на подводах, шли пешком молодые парни и многодетные мужики на войну с германцем — первую империалистическую войну. И рвалось из самого сердца невеселое:

Неужели, неужель
Оденут серую шинель?
Неужели серую,
Оставлю дролю бедную?!

Шел вместе с другими новобранцами и Яков Попов — крестьянин из деревни Блудново. Как и у всех, осталась у него дома семья: старшему, Александру, не исполнилось и двух годков. Ушел воевать Яков и не вернулся, сгинул где-то на проклятой народом войне. Осталась жена вдовой-солдаткою перебиваться с хлеба на воду, растить детей, одной

Александр Яшин. Избранные стихотворения. «Советский писатель». М. 1957.

управляться с крестьянским хозяйством.

Все одна:
И пахать, и жать,
И косить, и стога метать,
Да еще к кулаку в неволю.

Так началось детство Александра Яшина (Попова) — своеобразного и талантливое советского поэта. Пришлось ему походить за бороной, ездить в ночное, вставать до света по «губину» — рыжики, грузди, сыроежки. Были свои радости, были и свои беды. Только, может быть, глубже западало в сердце песенное слово, тише становилось дыхание, когда в гулком холодном овине у жарко потрескивающей печки начинал какой-нибудь дремучий дед нараспев свою «старину».

Нередко, возвращаясь из школы, Александр мог видеть, как его товарищи накоротке сочиняли бойкие частушки. Традиция эта жива во многих вологодских районах и поныне: нехитрую частушку в колхозном селе сочинить или по-своему переделать может почти любой. Все это вошедшее в быт, исторически сложившееся фольклорное окружение и явилось для Яшина первой школой поэзии.

Бурные сходы, народные собрания, обобществление пахотных земель, раскулачивание деревенских богатеев, создание первых артелей — все эти зримые приметы начавшихся великих перемен в жизни трудового крестьянства были кровно близки студенту, а затем молодому учителю — комсомольцу Александру Яшину. Ему, человеку, выросшему в деревне, в нужде, западали в сердце заботы и чаяния его односельчан, он вмешивался в стремительный ход событий где мог. Так стала определяться одна из основных тем его творчества — тема становления колхозного строя, крушения старого, частнособственнического уклада в северной деревне. Яшин много ездил по районам, писал корреспондентские заметки, статьи. Но для того, чтобы рассказать обо всем увиденном и пережитом в поэзии, не хватало еще опыта, не хватало своих слов и образов.

Вот почему первая книжка стихов А. Яшина, «Песни Северу», вышедшая в Архангельске в 1934 году, была по художественному уровню довольно средней. Встречались в ней явно подражательные строчки «поэту комсомолии» А. Безыменскому, Н. Асееву, Э. Багрицкому, у которых в то время учился молодой поэт. Тяжелая декларативность «индустриальной лирики» также накладывала свой отпечаток на этот сборник. И лишь в одном — двух стихотворениях прорезался собственный голос поэта.

Сборник стихов Александра Яшина «Северянка», изданный Гослитиздатом в 1938 году, появился в ряду многих других поэтических книг, посвященных новой, советской деревне, книг, лучшими среди которых по праву можно назвать «Сельскую хронику» А. Твардов-

ского, «Стихи и песни» М. Исаковского, «В защиту влюбленных» А. Прокофьева, «Колосья» Н. Рыленкова. Но «Северянка» не затерялась в этом широком потоке. И читатели и критика отметили молодой, свежий голос, своеобразное дарование поэта, «богатый словарь», «вольный песенный, с неожиданными переходами ритм», «полусказочное ощущение Севера», присущие его первой заявке в большой литературе.

Особенно удачны в сборнике были стихи о девушке-колхознице Олене, о вологодской кружевнице Олексеевне и другие, рассказывающие о славных тружениках и труженицах Севера. В этих стихах, а также в стихотворениях «Слова-то красивого», «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сказочница», «Девушка», «Сватовство», «Присказки» и многих других, написанных на широкой песенной основе девичьих страданий, запевок, частушек, проявилась близость А. Яшина к устному народному творчеству Севера, впитанное с молоком матери знание быта, труда, жизни односельчан.

Яркость, праздничность — вот что, с другой стороны, роднило его поэзию с народной живописью. Проявившееся позднее в отдельных произведениях А. Яшина условное, облегченное изображение жизни села как раз противоречило этому полнокровному, по-народному сочному восприятию мира, нашей действительности. При всей праздничности, красочности «Северянка» в основе своей была книгой подлинно реалистической. Реалистичность, красочная щедрость ее сказывались во всем: в языке, в выборе сюжетов, в отдельных деталях. Если в деревне строят избу для молодоженов, то непременно «с целой выставкой резьбы». Если проходит по-над берегом реки парень, то «сапоги скрипучие на нем, поясок малиновый, ненюшеный». Если выходит танцевать молодичца, то, оправив «широчные воланы, золотую карусель», топнет раз — цветы раскинет, топнет два — козынка с плеч!

Заговорит поэт о родной природе, и тут же повеет сказочным изобилием:

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть лопатой ягоды гребя,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке.

Это быллинное, эпическое ощущение Севера было в значительной степени ощущением детских лет. Но и в дальнейшем поэт оставался верен ему.

Яшин в своих стихах оказался чужд какого-либо механического воспроизведения старых образцов, слепого повтора старых фольклорных мотивов. Подобное чаще всего случается с поэтами книжными, поэтами, черпающими свое вдохновение и свой колорит из книжных источников. А лучшее в творчестве А. Яшина питала и питает сама жизнь.

Взять хотя бы «Северное сказание».

На Мезени было,
На Мезени.
Небогата на Мезени зелень,
Зубынисты мшистые дорожки,
Но красны болота от морошки.

Неторопливо, с повторами, с параллелизмами начинает развертываться сказание о том, как бежал К. Е. Ворошилов из царской ссылки и как до сих пор хранит придорожный камень его след в «Заонежьи, в заовражьи». Так причудливо переплетаются в устах старухи-кружевницы вымысел и правда, сказочность и реальность, и все «Северное сказание» уходит своими корнями в народное творчество, в поэзию наших дней, нашей действительности — этот истинный и драгоценный дар Севера всякому художнику, творцу, поэту.

Но главное в поэтическом творчестве А. Яшина — характеры современников, жителей деревни, людей новых, с новым отношением к труду, к земле, к жизни. Раскрыты это новое, что отличает нашего современника от людей прошлого, и постарался поэт в стихотворении «Свет в душе» (1946). Начинается оно горькой повестью про деда, который «за шар земной своей земли вершка б не уступил».

И шла молва про старика
Крута, нехороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Ушедшее в невозвратное прошлое частнособственническое глубоко засело в старом крестьянине, хоть и не смог он до седин скопить добра, зажить в достатке. Плоть от плоти, кость от кости этого крестьянского мира, поэт сам берет слово и говорит о себе, о «свете в душе», который загля в нем Октябрьская революция, новая жизнь.

И я мужик,
И мне земля
Родная дорога,
И я заря не жгу рубля:
Деньга — всегда деньга.
Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

По той же пахоте коню,
С лица текут ручьи.
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.
И чтобы свет в душе не гас —
За правду за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

Опираясь на конкретный материал вологодской колхозной деревни, Яшин создает ряд ярких поэтических образов, как бы выхваченных из самой гущи жизни. Его Оленка, бойкая девушка, так отрезала одному «ученому из района», восхищавшемуся «интересными пережитками» старого Севера, что тот не нашелся, что ответить, и был довольно язвительно осмеян окружающими.

«Запечница» Авдотюшка, чья молодость прошла без радости, чья горе не

знало меры, с удивлением думает об этой новой молодой поросли:

Ничего им, нынешним, не в диво:
Плятья носят — синий шелк с отливом.
Для любой — гармошка на растяг.

Стихотворение «Олена» перекликается с частушкой, которую особенно охотно поют колхозные девчата и сейчас:

Говорят, что боевая.
Боевая я и есть.
Нынче времечко такое:
Боевым большая честь.

В этой короткой запевке так живо и непосредственно схвачено самое важное, самое существенное в нашей жизни и в облике самих певуний, что лучше, как говорится, и не придумаешь. Именно боевитость, жизнерадостность, задорность родят характер Оленки и ее товарищ из частушечных четверостиший.

Характерные черточки северного говора Яшин вводит в стихи не только для того, чтобы создать местный колорит, но и для того, чтобы подчеркнуть духовный рост своих героев, их новое сознание, их новое мироощущение.

Сколько наименований милого, возлюбленного, близкого сердцу человека бытует в песнях и частушках северных районов Российской Федерации! «Дролюшка», «залетка», «ягодиночка», «ненаглядя», «касаточка» встречаются почти в каждой песне, в каждой припевке. Конечно, среди них немало частушек-однодневок, сочиненных по очень местному или очень личному поводу. Но зато в тех, которые целые районы, иногда целые области подняли «на голос», запели, глубина переживаний передается с большим искусством и глубокой эмоциональностью.

Вспоминается в связи с этим одна такая запевка, которую довелось мне услышать в Кубиноозерском районе и услышав которую просто невозможно было не запомнить. В летних сумерках на краю деревни высокий девичий голос внезапно вывел:

Милый мой теперь далеко —
За темными елками.

И оборвался. Другой, гуще, сочнее, подхватил начатое и закончил:

Колет, колет ретиво,
Колет, как иголками.

В нашей большой и разнообразной поэзии не много, пожалуй, найдется примеров такой «локальности» образа, такой краткости и выразительности поэтического слова. Ведь ельник, окружающий деревеньку, был темен и в ненастье и в светлые, солнечные дни, а разлука, видно, колола девичье сердце посильнее, чем жестковатая хвоя этого молодого ельника.

Такие частушки и запевки долгие годы пользуются неизменной популярностью среди нашей колхозной молодежи. Но как ни длительно бытование частушек о разделенной или безответной люб-

ви, о разлуках и встречах, о надеждах и горьких разочарованиях, жизнь опережает фольклорную традицию, и слова-обращения вроде «державушка», «каса-тушка» безнадежно устаревают.

Это не могло пройти мимо внимания художника, чуткого к современности. От имени девушки-колхозницы написал А. Яшин стихи «Слова-то красивого», мастерски используя богатство песенного языка.

Слова-то красивого
Не подыщешь насоро,
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось?

«Приголубить надо бы, а слова все старые», — с грустью думает девушка. Особенно странным ей кажется назвать своего милого «державушкой». «Не такая славушка у мово хорошего», — с гордостью заявляет она, протестуя против обветшалой песенной традиции, в которой все еще держится «держава», «державушка» — единовластный хозяин, «большак» в крестьянской семье.

Стихотворение заканчивается решением девушки высказать свои чувства заветными словами, которые «сами сразу скажутся».

Для того чтобы написать такие стихи, нужно, помимо знания языка, еще уметь «перевоплотиться», войти в чужой характер, раскрыть внутренний мир героя его словами, его голосом.

Эта эпическая «хватка» А. Яшина особенно отчетливо обнаруживается в его поэмах «Мать и сын» и «Алена Фомина», о которых немало писалось в нашей печати и которые известны широкому кругу советских читателей. Следует заметить, что еще в 1938 году, когда эти поэмы не были написаны Яшиным, в рецензии, опубликованной в «Октябре», Л. И. Тимофеев подметил по преимуществу эпический склад художественного дарования поэта. Но «Избранные стихотворения» показывают, что лирика А. Яшина — интересное и самобытное явление современной русской советской поэзии. Вот почему в этих заметках речь идет преимущественно о его лирических и лиро-эпических стихах.

* * *

В августе сорок первого года на ближних подступах к Ленинграду, под деревней Ямсковицы, батальон морской пехоты принял бой. Из окопчиков во время затишья бойцам виднелось большое поле поспевающей ржи. Надолго запомнился А. Яшину и этот бой — первое фронтовое крышение — и это поле.

Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Не ветром укачало рожь, не мирный сон
повалил навзничь и ребят в черных мор-

ских шинелях: шла великая битва за свободу и независимость социалистического Отечества. И чем ожесточеннее разгорались бои, чем напряженнее была работа в краснофлотских многотиражках, чем туже затягивалось кольцо блокады, тем чаще в стихах и мыслях возникал образ Родины, образ родной стороны.

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило:
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.
Просторны тесом крытые дворы.
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат.
Плывет над лесом ронот молотилок.
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок...

Отстоять все это близкое и родное от вражеского нашествия, освободить землю от фашистской нечисти — таково было главное чувство, вдохновлявшее поэта, волновавшее его товарищей по оружию.

А. Яшин много писал в дни войны, и далеко, конечно, не все выдержало испытание временем. Но лучшие стихи из военных сборников: «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева», «Земля богатырей» — отражают героизм советских воинов, их непоколебимую веру в победу.

А победа близилась, весна сорок пятого года уже шла «по всем дорогам, по всем фронтам», и «чувство семьи единой», как очень точно сказал П. Тычина, еще более крепло в каждом советском человеке.

Это чувство выразил А. Яшин в стихотворении, помеченном сорок пятым годом:

У нас земля такал:
Просторна синева.
В горах — вода живая.
В лугах — разрыв-трава.
Березоньку наклонись —
Весь лес шуметь начнет.
Кого из нас ни тронешь —
Подымешь весь народ.

Песенный образ северной «березоньки» придает заключительным строчкам какую-то поистине весеннюю свежесть.

Значит, вновь мы встречаемся с сокровенными впечатлениями поэта, встречаемся с его родным краем, который подарил художнику свои лучшие краски и цвета.

В дни войны А. Яшин не только пишет большой цикл стихов «Земляки», но по-прежнему часто обращается к фольклору северных областей. Богатая словесная инструментовка стиха, разноударная рифма, звуковые повторы — все эти и многие другие приметы его стихотворной техники находят в самом тесном родстве с северной песней-чатушкой.

Стихотворение А. Яшина военных лет «Шинель» (1941) не только опирается на песенную традицию. Оно выражает чув-

ства война-защитника, испытывавшего на войне немалые тяготы и лишения и стойко переносящего их во имя общей победы над врагом.

Эх, шинель моя, шинели!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.
Черная.
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная...

Прибегая к юмористическому повороту темы, Яшин пишет далее:

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?
Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

От этого двойного «неужели-неужель» вдруг на какой-то миг повеет далеким-далеким: ехали на подводах, шли пешком новобранцы четырнадцатого года, и рвалась из сердца невеселая отчаянная припевка. Но нет, ничего, кроме случайно сохранившегося в памяти песенного созвучия, не осталось в этом боевом стихотворении. Когда оно писалось, от Белого до Черного моря шла война «не ради славы, ради жизни на земле». Миллионы советских людей, одетые в солдатские шинели, отстаивали право народа на свободное и независимое существование. Быть в едином строю с ними — великая честь для каждого советского патриота. Поэтому-то и закончил поэт стихотворение горячей публицистической строфой:

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

* * *

Далеко от деревни Блудново, под Тихвином, остановился огненный вал войны. Там выжгли и вырубili леса шквальные минометные налеты, искромсали землю тяжелые фугаски, затянули окопы ржавые болотные воды. А здесь на первый взгляд все осталось по-прежнему: как и до памятного июня сорок первого года, мирно курились трубы деревенских изб, скрипели колодезные журавли, пылили по большакам разбитые районные полуторки. И в то же время все по-другому, все строже, все напряженнее, ведь

...На какой дороге слезы
Осенним утром не лились.
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

Война пришла и сюда фронтовым приветом, печально похоронной, неустанной, не знающей ни края, ни меры, работой на колхозных нивах. Матери, сестры, жены — великие труженицы колхозного села — приняли на свои пле-

чи тяжесть долгих военных лет и заменили бойцов, ушедших на фронт. Даже тот, кто весь свой век прожил, «белый свет не застя», кто всю жизнь простоял в стороне от общественных дел и забот, даже тот включился в коллективный труд. Именно так случилось с бобылкой Настасьей, одинокой безродной, «женщиной безвредной». Всеобщий трудовой подъем захватил Настасью, которая ожила, помолодела в этом новом для нее ритме общественного труда. Поэт пишет, что «спустя полгода Настю похвалили даже власти», и мы охотно верим этому, ибо только труд на общее благо мог так сильно и быстро преобразить человека.

Но что Настя! А. Яшина волновал трудовой подвиг русской женщины, его тянуло к созданию подлинно народных характеров. После демобилизации в сорок четвертом году он едет в родной колхоз «Красный пахарь», и там, по мере сбора материала, у него начинает вырисовываться образ Алены Фоминой — талантливого колхозного организатора, человека, понявшего, что в наши дни «люди хотят полета, размаха, души во всем».

Работу над поэмой А. Яшин продолжает и сейчас, когда стали очевиднее ее отдельные недостатки, длинноты. Обогатился и образ Алены Фоминой, простой женщины из северного села.

Образ труженицы-крестьянки вообще занимает большое место в сюжетной лирике А. Яшина. Многие его довоенные стихотворения показывают, как «земля ложилась на счастливый путь», как менялась «доля русская, доля женская».

В этих глубоких переменах в жизни рядового труженика и труженицы, произошедших за годы Советской власти, поэт видит основы всенародного патриотизма, проявленного советскими людьми в годы Отечественной войны, видит основы нерушимого единства фронта и тыла. Уже не бойкая песенная скороговорка, а торжественные звуки фанфар слышатся в его стихе:

Слава — кому ураган не страшен.
Кряжу социализму — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

Встречи с земляками обогатили творчество А. Яшина целым рядом новых интересных стихотворений, таких, как «Хмель», «Первый год весна, как чудо», «Сама победа». Нетрудно в них заметить открытое ликование, общую восторженную окраску. Ведь в эти дни, в дни послевоенного мира, «словно в первый день творенья приняла зерно земля».

После окончания войны поэт предпринимает новые поиски своих героев — едет на Алтай, на Куйбышевскую ГЭС, на открытие Волго-Дона, в новые целинные совхозы. Ему удастся запечатлеть характерные черты своих современников. Вот угрюмоватый старик-конюх,

который, получая награду — трудовую медаль, — огорчил всех собравшихся в сельском клубе: «Взял и сунул под пиджак да еще нахмурил брови, словно выпил нощацк».

Многим стало даже жаль,
Что пришла ему медаль.

Но оказалось, старик просто растерялся. Никто в темноте после собрания не разглядел:

Как он бороду разглядел,
Как медаль на грудь приладил,
Как он вдруг помолодел.

И только в разговоре с лошадьми конюх отвел, как говорится, душу: высказал то, что не успел сказать людям. Или вот старый плотник — в более позднем стихотворении «Плотник» — не только ловко орудует топором, но и говорит с подростками из ремесленного училища удивительно ладными, крепко «сбитыми» словами:

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

Гордость художника — мастера своего дела — чувствуется в этих стихах. Этим уважением к народному труду, истовости рабочего человека отличается и «Свежий хлеб», и «Квартирный вопрос», и другие из опубликованных в последние годы стихов.

Однако в послевоенный период Александр Яшин не всегда проявлял достаточную твердость в отстаивании своих идейных и художественных позиций. В послевоенных стихотворениях его нетнет да и сказывалось стремление к приукрашиванию действительности, в иных его стихах, говоря его же словами, подзатынулась «атмосфера ликования после победы».

Критика партией последствий культа личности вызвала, как очень глубоко и точно заметил Н. С. Хрущев, серьезные раздумья среди писателей и деятелей литературы.

А. Яшин оказался среди тех писателей, которые на какое-то время потеряли почву под ногами, поддались чувству растерянности и в отдельных своих произведениях утратили историческую перспективу. А. Яшин выступил на страницах альманаха «Литературная Москва» со своим первым рассказом «Рычаги», который явился тяжелой идейной и творческой неудачей писателя. Этот рассказ противоречил своей концепцией всему творчеству Александра Яшина. Его «Избранные стихи» — лишнее тому подтверждение.

Поэт правильно воспринял суровую партийную критику. Его новые стихи насыщены жизненным содержанием, они правдивы и оптимистичны, в них есть та художественная убедительность, которая сразу же привлекает читателя.

Особенно интересны последние лирические стихотворения А. Яшина. Его «чисто лирический» голос в ранних до-

военных сборниках в значительной степени звучал обесцвеченно, без той «тембровой окраски», которая придает удивительную неповторимость голосу певца. В любовной лирике он часто варьировал один и тот же мотив — охотник, зверолов, человек угрюмый, неловкий в поступках и действиях, но затаивший глубокую нежность в душе, зовет возлюбленную в родные места, где он чувствует себя свободнее, где ему легче сказать слово любви.

Но постепенно лирические горизонты поэта расширились, и в его лирике стала обнаруживаться та же «строчечная суть», что и в его творчестве. Так, бесспорно, многое есть от некрасовской женщины в величавом и полном душевной красоты и достоинства образе, который воссоздается стихотворением «Что-то есть в тебе очень хорошее».

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу.
Словно в юности по некомуному,
По заречным лутам жожу.
Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец ручи.
Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая статок.
Поглядеть на тебя, светлокосая, —
Как на родине побывать.

Среди бесспорных лирических удач А. Яшина последнего времени можно отметить стихотворение «Орел». Его философский смысл раскрывается в строчке, несущей основную нагрузку стиха: поэт говорит, что «сердце и орлиное ранимо». Но даже смерть у орла величественна, полна торжества и силы. Вот это торжество жизни отчетливо обнаруживается в последних лирических стихах Александра Яшина и свидетельствует о том, что поэт в своем творчестве ставит и удачно разрешает новые поэтические и идейные задачи.

* * *

Подводя итог своим сокровенным раздумьям, А. Яшин в одном из стихотворений пишет:

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Да, нельзя не согласиться, что, действительно, все корни творчества А. Яшина — на селе, среди родной природы, среди близких и родных ему людей. Но значит ли это, что поэзия Яшина ограничена «околицей села», что духовный и эмоциональный мир его узок? Нет, конечно, нет. «А я в такую даль взглянул от узенькой межи», — с гордостью, с радостью, с вызовом говорит он в стихотворении «Свет в душе». Лучшее в творчестве А. Яшина и помогает нам яснее видеть нашего современника, хозяина земли, хозяина страны, хозяина своей судьбы, чей взгляд, устремленный через «горы времени», видит «коммунистическое далекó».